

Жду когда бабушка уже наконец оденется. Слышу, скрипнула дверь ее комнаты. «Надо бы смазать», — сделал напоминание себе, повернувшись, схватился театрально за сердце.

— Что? — голос ее был немного напряжен. Одета Анна Николаевна была в свой любимый наряд, в котором ходит в театр. Я не мастак описывать женские наряды, но выглядела она просто великолепно в свои пятьдесят восемь. Ей в этом наряде не дашь больше сорока пяти.

— Боюсь, не доживёт дядя Боря до вашей свадьбы: увидит тебя сегодня, и от томления в груди сердечко прихватит.

— Тьфу, на тебя, охальник! При чем тут Борис? — бабушка повертелась немного у зеркала в прихожей. — А что думаешь, ему понравится? — зарделась как девица на выданье, а глаза такие хитрющие.

— Ох, бабушка, пожалела бы его.

— Да что с ним станется? — крутанувшись еще раз около зеркала, надела пальто и начала выталкивать меня на выход.

В десять утра мы были уже у дверей зала, где проводили вчера репетиции. Ох, как же дядя Боря стал похож на кота при виде бабушки, а комплименты так и сыпались словно из рога изобилия.

— Ой, прекрати, Боренька! Ну какая я тебе красавица! Кошёлка старая уже, — а в глазах так и читается: «Только попробуй не разубеди, тут ты окончишь свой бранный путь».

— Аннушка, да ни у кого язык не повернется так назвать прекраснейшую из женщин. — Ох, как стелет котяра, а как крутиться вокруг и за ручку возьмет и в ушко шепнёт. Это что, я злюсь что ли? А ведь правда, злитесь начал. А ну прекращай Сашка, вон смотри как бабушка расцвела. Отпустило. Правильно Сашка, бабушка тебя меньше любить не станет, а у тебя скоро свободного времени почти не будет, а так она не одна».

— Дядя Боря, вы знакомы с Утесовым, если да, то насколько хорошо? — уже успокоившись и осознав глупость своих мыслей, спросил Александрова.

— Леонида? — с удивлением посмотрел на меня Борис Александрович, — очень хорошо знаю, общаемся довольно часто если не на гастролях, а иногда и на них пересекаемся. А что ты хотел?

— Песни у меня есть, которым нужно сопровождение гитары и саксофона. Хотел попросить его о помощи.

— Да и у меня есть кому играть на гитарах и саксофоне, — в голосе прозвучала обида, — но если тебе нужен именно Утесов.

— Дядя Боря, вы меня не так поняли, просто я не думал, что у вас есть такие музыканты, — я поспешил покаяться.

— Ну и славно, а что за песня? — вроде даже как успокоился Александров, — может споешь?

— Песня на книгу Гюго «Собор Парижской Богоматери», назвал ее Belle.

— Прекрасная песня, мне очень понравилась и на русском и на французском языке, — бабушка выдала свое мнение.

— На французском? — в голосе Бориса было столько удивления. — Я правильно понял, Саша, ты написал песню на французском?

— Да, и не одну, — скромно потупился, чуть ли не шаркая ножкой. — Ну давайте я лучше спою.

— Да, да конечно, — дядя Боря посторонился, пропуская меня к сцене.

Сев за рояль, я немного настроился и начал опять с небольшой хрипотцой:

Belle

C'est un mot qu'on dirait inventé pour elle

Quand elle danse

et qu'elle met son corps à jour, tel...

Всю песню я пропел с закрытыми глазами, а когда окончил услышал аплодисменты и незнакомый голос:

— Борис Александрович, что это за песня и кто этот юноша?

В голове зазвучали фанфары, дамы и господа, позвольте поприветствовать Фурцеву Екатерину Алексеевну, у меня аж дыхание перехватило. «Всесильная Екатерина. Вот сейчас я вижу перед собой либо РОЯЛЬ попаданцев либо надгробный камень на своих планах», — а рядом стоял Муслим Магометович Магомаев - любовь многих советских женщин.

Я тихонько вставал из-за рояля и, пока меня представляли, пытался успокоиться.

— Катенька прекрасно выглядишь, — слова моей бабушки меня чуть ли не посадили обратно. «Так, надо внимательно изучить память маленького Саши». — Неужели не узнаешь в юноше мальчонку, которому втихаря давала конфеты шоколадные со стола.

— Аня? — Екатерина Алексеевна улыбнулась и как молодая девчонка подбежала к бабушке и обняла ее. — Ох, подруга, сколько мы с тобой уже не виделись? А ты ни капельки не изменилась.

— Два года, ну да ладно. Я рада тебя видеть и надеюсь, на этот раз делать это будем чаще, —

было видно, что бабушка очень рада встрече с подругой, и, если бы не люди кругом, они бы ушли куда-нибудь сплетничать. — Сашка, подойди, поздоровайся с той на ком обещал жениться когда подрастешь, ведь у тети Кати всегда есть конфеты, — последние слова произнесла изображая мой голос в детстве.

— Как Сашка, ведь ему должно быть лет четырнадцать-пятнадцать, если я не ошибаюсь, — Фурцева внимательно взглянула на меня, — а этому юноше лет восемнадцать. Ну а каков красавец, а как поет! Спускайся к нам.

Я спустился со сцены, нацепил на себя гагаринскую улыбку:

— Здравствуйте, Екатерина Алексеевна.

— Какая я тебе Екатерина Алексеевна, — Фурцева аж надулась от недовольства, — я же тебя нянчила, или забыл как кричал: «Тетя Катя приехала» - стоило мне только войти к вам в квартиру. Эх, Анечка, видать не будет свадьбы, разлюбил меня внук твой.

Голова Фурцевой поникла, но во взгляде, который она кидала на меня, была хитринка.

— Ну, не смею я красивую и молодую женщину тетей называть, — даже ножкой шаркнул для большей достоверности.

— Ох и льстец растет, — Екатерина взглянула на бабушку. — Анечка, небось девицы вокруг него так и кружат?

— Ты даже не представляешь, как на него медсестры заглядывались после того, как он пару концертов устроил в больнице, — бабушка вздохнула и грозно посмотрела на меня, — в которую из-за своей любвеобильности и угодил.

— Тетя Катя, не верьте, я просто на катке не устоял.

— На который ты полез из-за девицы, — не дала оправдаться бабушка.

— Ну да ладно. Скажи мне Саша, что это за песня, которую ты только что пел на французском?

— Я написал ее недавно на роман Гюго «Собор Парижской богородицы». Написал и на русском, если хотите спою.

Фурцева посмотрела с недоумением на бабушку:

— Аня, это правда?

Я даже запыхтел для виду, что обиделся таким неверием в свой талант.

— Не пыхти, Сашка, — бабушка в своем репертуаре. — Да, Катя. Сама удивляюсь, но как ты слышала, поет он прекрасно, а песни сочиняет такие, что за душу берут. И не только слова, но и музыку сам сочиняет.

— Давай послушаем, Муслим Магометович, вы как не против?

— Фурцева посмотрела на будущего кумира женщин СССР.

— Екатерина Алексеевна, я не только не против, я даже настаиваю, — Магомаев посмотрел на меня, и в его глазах было не только много удивления, но и немного восхищения. — То что мы успели услышать, мне очень понравилось, и я так же как и Вы не мог представить, что песню сочинил и поет четырнадцатилетний молодой человек.

— Пятнадцати, — поправил Магомаева, чем вызвал улыбку, мол, велика разница, — и если Вам правда понравилась моя песня, то не могу не воспользоваться и попросить Вас исполнить ее со мной. Песню я изначально писал на три голоса и партию священника хотел бы предложить

Вам.

Магомаев задумчиво посмотрел на меня, видно что внутри идет какая-то борьба.

— Знаешь, а я согласен, — видно все же песня ему действительно понравилась, и, решив спеть, он закончил борьбу внутри себя и уже спокойно улыбнулся, — но ведь ты понимаешь, что на французском я пока с тобой спеть не смогу.

— Да конечно, если тогда никто не против, мы Муслимом Магомедовичем немного порепетируем, а потом споем вместе на русском, — я посмотрел на Фурцеву, ожидая ее ответа.

— Хорошо, так даже интересней будет, а мы пока с Аней сходим в буфет и посплетничаем немного, через часик вернемся.

Как только нас покинули женщины, я напомнил кратко сюжет книги, после чего спел песню на русском. Час, всего час понадобился Магомаеву, действительно великому певцу, чтобы вжиться в роль.

Через час меня ждал сюрприз — вместе с женщинами в зал вошли Месяцев и Марк Наумович Бернес. Хоть Гостелерадио вышло из-под власти Министерства культуры, но практически все фильмы и передачи были заказаны этим министерством, поэтому отношения Фурцевой с Месяцевым были хорошие. Они зашли, что-то весело обсуждая. Подойдя к сцене, заговорил Николай Николаевич:

— Я пришел сюда с Марком Наумовичем, чтобы вместе с ним послушать еще раз песню о Родине, но Екатерина Алексеевна встретила нас по дороге и попросила сначала послушать то, что вы подготовили.

— Ну, песня, конечно, еще не отрепетирована нормально, — начал немного оправдываться я, — да и третьего голоса с небольшой хрипотцой не хватает, но мы постараемся все же исполнить ее.

Пришедшие расселись на первом ряду, я же уселся за рояль, а Муслим Магометович встал

рядом.

Рай,

Обещают рай твои объятья.

Дай

Мне надежду, о мое проклятье.

Знай,

Греховных мыслей мне сладка слепая власть.

Безумец прежде — я не знал, что значит страсть.

Распутной девкой, словно бесом, одержим;

Цыганка дерзкая мою сгубила жизнь.

Жаль,

Судьбы насмешкою я в рясу облачен,

На муки адские навеки обречен.

И после смерти мне не обрести покой,

Я душу дьяволу продам за ночь с тобой...

Он прекрасно исполнил свою часть, а так же вместе мы закончили последний куплет.

— Великолепно! Саша, Муслим, — Фурцева первой заговорила. — это действительно великолепно. Николай Николаевич, я надеюсь, эта песня будет на концерте в честь восьмого марта.

— Да, конечно, — Месяцев тоже был доволен, ведь это он привел на сцену такой талант. О том что ему подсказали Кириллов и Шаталова, он уже благополучно забыл. — Я еще когда первый раз услышал эту песню на французском, сразу решил, что она должна быть на концерте, тем более там будет французская делегация. Пускай послушают, как поют в СССР. Но вам надо срочно найти третьего певца, я думаю, мы с Екатериной Алексеевной сможем Вам помочь.

«Ну уж нет!» — сразу в голове у меня раздался звук сирены, возвещающей об опасности.

— Николай Николаевич, Екатерина Алексеевна, у меня есть одна задумка. Дайте мне, пожалуйста, два дня, и я вам представлю третьего, и, если вы одобрите его, мы примемся за репетиции.

Николай и Екатерина переглянулись, там, в глазах, было что-то типа: «Ну пусть приводит, а там посмотрим».

— Ну хорошо, Александр, — озвучил их решение Месяцев, — только не тяни. Не больше двух дней: ведь, как я понял, ты эту песню под оркестр готовить собрался.

— Да, я постараюсь уже завтра все устроить, а сейчас, наверно, пора спеть песню о Родине, ради которой был приглашён Марк Наумович.

Я снова сел за рояль.

С чего начинается

Родина?

С окошек, горящих вдали,

Со старой отцовской буденовки,

Что где-то в шкафу мы нашли.

А может, она начинается,

Со стука вагонных колес

И с клятвы, которую в юности

Ты ей в своем сердце принес.

С чего начинается

Родина...

Уже на середине песни Бернес поднялся на сцену, встал рядом, облокотившись на рояль, и стал вслушиваться в слова и музыку, немного прикрыв глаза.

— Молодой человек, у Вас талант писать красивые песни, — по окончании высказал он свое мнение, — и вы бы хотели, чтобы эту песню исполнил я?

— Спасибо, и да, Марк Наумович. Когда я сочинил и первый раз пропел эту песню, представил именно Вас в роли исполнителя ее и, конечно, не смел мечтать, что вы ее когда-нибудь исполните.

— Молодой человек, не надо скромничать, это действительно хорошая песня и я с удовольствием буду ее исполнять.

— Саша, Марк Наумович прав, у тебя получилась очень хорошая и нужная песня и, прежде чем вы начнете репетировать, может, споешь еще что-нибудь из того, что ты готовил для себя на двадцать третье февраля и восьмое марта.

Я исполнил песню «Два орла» Газманова, «Восьмое марта» Саруханова и «Я люблю тебя до слез» Игоря Крутого. После последней песни Фурцева даже отвернулась на пару секунд, чтобы промокнуть глаза. Было много хороших и теплых слов, после чего Екатерина и Николай совместно решили, что не стоит меня отвлекать, так как работы очень много, подхватили мою бабушку за руки и увели из зала; я же остался с Бернесом и Магомаевым. С Марком Наумовичем мы расстались примерно через минут сорок, в это время Магомаев учил текст на французском. После ухода Бернеса мы начали репетировать с Оркестром и Магомаевым, а еще

у меня крутилось в голове: «Как же мне найти Высоцкого и пригласить его спеть с нами третьим».

Придя домой, я так и не нашел лучшего способа найти Высоцкого, чем через Фурцеву.

— Бабушка, дай, пожалуйста, телефон тети Кати.

— Он в блокноте около телефона, — ответила она, выйдя из своей комнаты.

Я поискал в блокноте и нашел ее номер под именем Катька Фурцева. Четыре долгих гудка, и вот трубке раздался молодой женский голос:

— Слушаю.

— Будьте добры Екатерину Алексеевну.

— А кто ее спрашивает?

— Скажите Саша Семенов.

— Мам тебя к телефону, — слышался крик из трубки, — Саша Семенов.

Через минуту трубку взяла Фурцева:

— Саша, что-то случилось?

— Тетя Катя, мне очень нужна ваша помощь, — с грустью в голосе начал просить ее о помощи.

— Так, Сашка, ты это прекращай таким похоронным голосом говорить. Чем я тебе могу помочь?

— Теть Кать, помните я Вам говорил о третьем для песни Бель.

— Ну?

— Я не могу найти его, точнее я не могу найти способ как с ним связаться.

— И кто же этот уникум?

— Владимир Высоцкий, молодой актер, поэт и певец.

— Хм-м, Высоцкий, Высоцкий нет не помню такого, — из трубки раздавалось бормотанье. — Саша, а зачем тебе он, есть много прекрасных певцов, которые прекрасно исполняют твою песню. Вот, например,...

— Тетя Катя, — решил я ее перебить, прежде чем она начала предлагать мне знаменитостей, — вы простите меня, что перебиваю Вас, но представьте, если кроме Магомаева, еще один знаменитый певец будет петь, я просто буду незаметен на их фоне.

— Саша, у тебя прекрасный голос, не волнуйся ты так из-за знаменитостей.

— И все же тетя Катя, давайте сначала я вам представлю песню в исполнение Высоцкого, Магомаева и меня. Если он вам не понравится, то будем подбирать из знаменитостей, но я Вас

уверяю, Вам понравится. У него подходящий голос для этой партии.

— Ну ладно. Сашка, давай его данные, какие у тебя есть.

— Высоцкий Владимир Семенович, окончил школу-студию МХАТ, сейчас вроде должен работать в театре имени Пушкина.

— Ну, хорошо, поищу его.

— Спасибо, тетя Катя. Вы самая лучшая!

— Подлиза. Ну да ладно. Дай бабушке трубку.

Я протянул трубку бабушке, которая стояла и слушала наш разговор с Фурцевой, а сам пошел в свою комнату.

<http://tl.rulate.ru/book/61146/1586997>